

Из книги М.С. Горбачева «Наедине с собой».

...Тон задал Громыко: “Проект очень глубокий... Есть кадровый контингент, который себя еще не проявил, а есть те, кому “не по Сеньке шапка”. Стоит вопрос – быть или не быть социалистическому государству”.

Рыжков отметил, что “критика суровая, но нет безысходности”. Однозначно высказался в поддержку раздела о демократизации, связав эту тему с проблемами экономики. Предложил ввести предельный срок занятия государственных должностей, в том числе министров, тайные альтернативные выборы секретарей партийных комитетов.

Лигачев увидел, что от одобренного и рутинного материала, подготовленного Орготделом, в проекте доклада практически ничего не осталось. Но оценку дал самую высокую. Более того, высказался за необходимость реформирования политической системы. “Сверлит мысль, что надо сделать, чтобы не переживать периодические кризисы, которые наносят неисчислимый ущерб. Уверен: главное – демократизация”.

Эту тему подхватил и Шеварднадзе. Вспомнив об афганской войне, он сказал, что прежде часто “нарушалась коллегиальность, решения принимались узкой группой, минуя даже членов Политбюро, не говоря уже о членах ЦК КПСС и высших государственных органах”. Теперь “формируется целая система мер, гарантирующая от повторения ошибок. Это – нравственная революция”.

Поскольку Ельцин сам не проявил желания выступить, я обратился к нему: не хочет ли он что-либо сказать? Начал он с того, что “поддерживает большинство поставленных в докладе вопросов”, разделяет критический пафос в оценке прошлого, но считает необходимым дать четкую оценку перестроечного периода. И еще: в застое и торможении развития страны повинны члены Политбюро и ЦК прежних составов, а посему надо дать каждому из них персональную оценку.

Подводя итоги многочасовой дискуссии, я заметил, что главная задача Пленума – вскрыть глубинные причины того, что привело нас к

нынешней ситуации, и поддержать развертывающиеся с таким трудом в стране перестроечные процессы. Высказался против того, чтобы сводить дело к оценке членов руководства и членов ЦК прежних составов. Для нас важны политические выводы и извлечение уроков на будущее. Перестройка идет медленно – в докладе сказано, что это в значительной мере связано с кадрами, деятельностью управленческих структур.

Надо вести линию на приток свежих сил, но недопустимо под видом усиления требовательности устраивать гонение на кадры, ломать через колено судьбы людей. Перестройка начата во имя утверждения в обществе и партии демократических принципов. Этих целей не достичь на подходах, далеких от демократии.

После моего заключения Ельцин был смущен, подавлен: из столицы уже поступало много жалоб на его грубость, необъективность, жестокость в обращении с людьми. Я хорошо понимал, что работать в Москве нелегко, что Ельцин, пожалуй, острее других ощущает сопротивление партийной и хозяйственной номенклатуры политике перестройки. Ельцин вновь взял слово: “Для меня это урок. Думаю, он не запоздал”.

Под занавес прозвучала реплика Лигачева:

– Самое трудное – привыкнуть к тому, что и тебя могут огреть...

И еще вывод на Политбюро был таков – и это меня обрадовало: с таким докладом не стыдно идти к народу».

М.С. Горбачев. «Наедине с собой». С. 450-452.